

столкновеніе было тѣмъ неизбежно, что, какъ это ни странно, римскій престолъ въ одно и то же время нивдадалъ, и защищался. Повидимому, основною политическою воззрѣніе папства въ VIII столѣтіи заключалось въ томъ, что лангобардовъ нужно не отодвигать отъ Рима, а уничтожить совсѣмъ: даже въ тѣ моменты, когда лангобардское наступленіе замираетъ, папы всѣми силами стараются повредить отдыхающему врагу. Впрочемъ, ни эта двойная политика обороны и наступленія, ни, вообще, какая бы то ни было борьба съ лангобардами не поддаются объясненію, пока изучающій исторію этого вѣка не перенесетъ своего вниманія на сѣверныхъ заальпійскихъ „варваровъ“. Говоря объ оставшихся послѣ византійцевъ двухъ борющихся силахъ въ Италіи, мы имѣли въ виду географическую точность; на самомъ дѣлѣ существовала еще третья сила, которая уже на протяжении двухъ столѣтій, еще до этого рѣшительнаго перелома, повидимому оказывала свое вліяніе на итальянскія дѣла: она не показывалась пока на итальянской почвѣ, но одно упоминаніе о ней имѣло значеніе при дипломатическихъ переговорахъ между папами, императорами и лангобардскими королями.

III.

Еще Теодорихъ остготскій при всемъ своемъ могуществѣ долженъ былъ считаться съ интригами, затѣванными противъ него при дворѣ франкескаго короля византійскими уполномоченными; лангобардскіе владетели и въ VI, и въ VII в.в. многократно были останавливаемы въ своихъ планахъ тревожными слухами о близости, возникшей между франками и ихъ врагами: и папы, и императоры византійскіе знали это, и страхъ итальянскихъ варваровъ предъ варварами заальпійскими являлся тою ахиллесовою пятою, которою пользовались охотно и Римъ, и Византія въ сношеніяхъ и переговорахъ съ лангобардскими королями. Этотъ страхъ имѣлъ чисто стратегическія основанія. Римъ лежалъ къ югу, Византія (т.-е. ея форпостъ, Раввенскій экзархатъ) къ востоку отъ лангобардскихъ владѣній, и франки могли съ сѣвера